

В его памяти Гу Чэнси, хоть и не блистала общими оценками, выделялась необыкновенным талантом к сочинениям. Её стиль был острым и живым, выказывая дарование, опережающее годы. Что ещё ценнее — в каждой строчке сквозила искренность, чистая и незамутнённая. Как учитель китайского, он, естественно, ценил такую ученицу, считал её своей гордостью и не раз хвалил её работы на педсоветах.

И что же сегодня? Хорошие ученицы одна за другой идут с ним на конфликт?

Классный руководитель поправил очки, намереваясь сгладить ситуацию. — Гу Чэнси, садись, пожалуйста. Начинаем урок.

Но Гу Чэнси стояла на своём, упрямо не желая садиться. — Учитель, значит, можно не стирать?

Часть класса поддержала её.

— Да, учитель, это же положительный герой...

— Учитель, «Аватар» — это же блокбастер, а не что-то предосудительное...

— А в нашей школьной клятве разве нет слова «честность»?..

Голоса поддержки звучали то тут, то там, настроение в классе накалялось. Классный руководитель, опытный педагог, не ожидал такого развития событий. В голове у него мелькнула мысль, и он тут же нашёл выход. Положив учебник, он жестом призвал всех к тишине.

Спокойным, но твёрдым взглядом он уставился на Гу Чэнси, мягко нажимая. — Персонаж может быть и положительным, но его образ слишком откровенный, смелый. Это не сочетается со здоровой, созидательной атмосферой школы.

Гу Чэнси не ожидала, что всегда мягкий с ней классный руководитель вступит в полемику, и на миг опешила. Но отступить было не в её правилах. Выпрямив спину, с удалью новичка, она без тени страха заявила:

— Мэн-цзы говорил: «Величие благородного мужа — в стремлении творить добро для других». Я считаю, что судить человека нужно по поступкам, а не по внешности или одежде. Иначе выходит, что наш пример — легкомысленный и эгоистичный Феб из «Собора Парижской Богоматери»?

Учитель не ожидал такой подкованности и умения блеснуть эрудицией. Скрыв одобрение, он сделал недовольное лицо, будто не желая сдаваться, и с непривычной суровостью продолжил:

— Нравственность, конечно, важна, но школьники — ещё несовершеннолетние. Им следует фильтровать информацию. Слишком откровенные образы могут мешать сосредоточиться на учёбе в подростковом возрасте. Да и создание здоровой среды — обязанность школы.

Атмосфера в классе стала гнетущей. Этими словами учитель навесил ярлыки: «несовершеннолетние», «откровенность». Казалось, спор бесполезен. Кто станет утверждать, что несовершеннолетним можно показывать откровенные изображения?

На первом ряду Шэнь Цинчэн сидела, охваченная странным чувством. Всё началось из-за неё, а теперь она стала лишь зрителем. Она смотрела на Гу Чэнси, которая стояла там — худая,

хрупкая, словно юное деревце, гордо противостоящее ветру и дождю.

За месяцы знакомства она поняла, что Гу Чэнси насторожена её появлением, и могла понять её тревогу. Она даже мечтала когда-нибудь подружиться с Гу Чэнси, рассказать ей то, о чём не говорила ни с кем — ведь их судьбы переплелись с самого рождения, им было суждено стать друг для друга особенными.

Но вчера Гу Чэнси перешла все границы. Шэнь Цинчэн думала, что та встречается с Яо Туном, и хотела предостеречь её от отношений в старшей школе. И что же? Гу Чэнси сделала такое! И ведь это она же предупредила о пари между парнями... Зачем тогда помогать Яо Туну писать любовное письмо? Неужели она хочет, чтобы Шэнь Цинчэн и Яо Тун были вместе? От одной этой мысли её переполняла досада.

Из упрямства она пришла в класс с утра пораньше и дорисовала стенгазету. Кто бы мог подумать, что один рисунок вызовет такой переполох, и что встать на её защиту придётся именно Гу Чэнси.

С её места было видно, как Гу Чэнси упрямо вскинула голову, и её лицо оказалось напротив лица женщины на стенгазете. Два лица: одно — зрелое, другое — юное; одно — дерзкое, другое — решительное. Казалось бы, ничего общего. Но, возможно, из-за одинакового упрямства, или же из-за таких же ясных глаз, или из-за схожей искренности в выражении, она вдруг ощутила между ними странное сходство.

Обида понемногу растаяла. Она задумчиво смотрела на тонкую фигурку Гу Чэнси.

В характере Гу Чэнси была редкая для девушки стойкость — чем сильнее давление, тем яростнее сопротивление. Она не желала сдаваться под напором учителя. И, хотя Шэнь Цинчэн больше не хотела с ней общаться, Гу Чэнси почему-то очень хотелось сохранить этот рисунок.

Нельзя отступать. Ни в коем случае. Твёрдо сказала она себе, в то время как мозг лихорадочно искал малейшую брешь в логике противника.

Вдруг в её глазах блеснуло — она поймала мимолётную искру вдохновения.

— Учитель, вы смотрите предвзято. Здесь нет ничего откровенного. На персонаже военная форма, просто верх — майка. Если майка считается откровенной, то, может, и форму нашей баскетбольной команды пора менять?

Сказав это, она почувствовала облегчение, и в конце голос её звучал уже с лёгкой насмешкой. Удар пришёлся в самое уязвимое место, возразить было трудно.

Многие в классе тоже сообразили и начали тихо поддерживать.

— Верно, что тут откровенного? Баскетболисты порой и вовсе без маек играют.

— В школе нельзя, а на улице реклама повсюду...

Фан Юаньчжи вдруг громко подал голос:

— У легкоатлетов шорты слишком короткие, бёдра голые — вот это откровенно! Если менять, так всем менять!

Весь класс разразился смехом.

Учитель не выдержал и тоже рассмеялся. Только разжал губы, как начал кашлять, смеясь и кашляя одновременно. Увидев это, ученики залились ещё пуще.

Учитель был искренне доволен. В рамках Месячника кружков по интересам предстояли соревнования по дебатам: команда первого курса против команды второго. Во втором курсе были двое, участвовавших в провинциальных состязаниях и даже мелькавших на телеэкране. Оба славились острым языком и быстрой реакцией, умели подмечать малейший промах оппонента и добивать его, оставляя без шансов. Слава о них гремела.

Из-за этого первокурсники неохотно записывались — кто в юности не дорожит лицом? Быть публично униженным на глазах у всей школы — не лучшая перспектива. На днях завуч первого курса сокрушался в учительской, мол, на этот раз нас разнесут в пух и прах. Но теперь... похоже, не всё так однозначно.

Учитель отхлебнул воды, чтобы унять кашель, и смотрел на Гу Чэнси, словно откопал клад. Взгляд его светился одобрением. — Остра на язык, — сказал он, полушутя-полусерьёзно. — Ладно, заключим сделку. В команде по дебатам не хватает четвёртого спикера. Если завоеешь звание лучшего оратора, эта стенгазета останется до Рождества.

Обычно стенгазеты меняли раз в месяц. Оставить до Рождества — значит, на более чем два месяца. Награда беспрецедентная.

Гу Чэнси заколебалась. Она никогда не участвовала в дебатах и наслышана о славе двух старшекурсников, что её слегка пугало. В нерешительности она встретилась взглядом с холодным, отстранённым взглядом на первом ряду. Голова вспыхнула, и слова вырвались сами:

— Я согласна. А если проиграю?

Учитель, глядя на свою любимицу, вдруг проникся озорным духом, словно старый проказник. В глазах мелькнула хитринка. — Если проиграешь, стенгазета простоит до конца месяца.

— Идёт! — выпалила она, полная юношеского задора.

— Идёт! — усмехнулся учитель, словно лис, поймавший курицу.

— Сиси, ты правда пойдёшь на дебаты? — едва прозвенел звонок, Ду Минмин обернулась, и в голосе её сквозила тревога. — Я слышала, те двое старшекурсников просто монстры.

Фан Юаньчжи подошёл, размахивая телефоном. — Не двое старшекурсников, а старшекурсник и старшекурсница. — И протянул им аппарат. — Смотрите, брошен вызов.

Ду Минмин взяла телефон, Гу Чэнси же, заинтересовавшись, придвинулась, и они вместе уставились на экран.

<http://bllate.org/book/15948/1425848>